

розовый костюм

н.м. келби

розовый костюм

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
КЗ4

Nicole Mary Kelby
THE PINK SUIT

Copyright © 2014 by Nicole Mary Kelby

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Келби, Николь Мэри.
КЗ4 Розовый костюм / Н.М. Келби ; [пер. с англ.
И. А. Тогоевой]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 352 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-87562-7

Николь Келби, автор бестселлера «Белые трюфели зимой», представляет российскому читателю свой новый роман – «Розовый костюм», в котором рассказывается об одной из самых знаменитых и трогательных пар в истории человечества, Жаклин и Джоне Кеннеди. А еще – о людях, стоявших за их успехом.

Кейт живет в Нью-Йорке и работает в знаменитом салоне «Chez Ninon». Она трудится не покладая рук, чтобы создать знаменитый розовый костюм, в котором жене президента Кеннеди предстоит посетить Даллас. Казалось бы, что может быть общего у скромной швеи и первой леди страны? В романе Николь Келби судьбы этих женщин переплетутся, как нити в полотне, и мы увидим картину, которая никогда бы не сложилась, если бы они не встретились.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Тогоева И., перевод на русский
язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87562-7

Какая странная сила заключена в одежде.

Исаак Башевис Зингер

НОЯБРЬ 1963

Он вел себя как-то необычно: склонился к ней, словно желая что-то шепнуть на ушко, как это часто делают влюбленные, и даже немного привалился к ней боком. Она повернула голову и совершенно инстинктивно прижалась к нему, словно ожидая поцелуя; она чувствовала, что все у нее в порядке и хорошенькая шляпка по-прежнему сидит идеально.

И вдруг лицо странным образом обмякло.

Она даже не сразу поняла, в чем дело.

А потом что-то — серое, темное — рухнуло на багажник лимузина сзади. И она, оттолкнув мужа, попыталась это схватить. Вцепилась и не выпускала. Серое нечто больше всего походило на сломанное птичье крыло.

Документальная съемка запечатлела эту сцену: полицейский, прыгнув сверху на «Линкольн-1961», рывком бросает ее на сиденье, прямо на тело мужа, и прикрывает их обоих своим телом.

В кадре не видны ни тридцать шесть красных роз на длинных стеблях, рассыпавшихся по полу, ни лицо этого полицейского.

Николь Мэри Келби

Их сердца бились в унисон — одно над другим. Затем наступила тишина.

Это было вовсе не крыло птицы.

— О нет... — только и сумела вымолвить она.

В хаосе этих мгновений внимание полицейского отчето-го-то полностью сосредоточилось на ее костюме. Он понимал, что буквально сокрушил женщину, навалившись на нее всем телом и вдавив ее лицо в лицо раненого мужа. Но ничего не поделаешь, так уж вышло. Хотя ему было страшно даже об этом подумать. И он постарался думать только о розовом костюме, который был сейчас под ним.

Она была странно спокойна. Он ожидал пронзительного вопля, но она даже не вскрикнула.

«Красивый костюм», — напишет он впоследствии в мемуарах.

Большинство тех, кто помнит тот день в Далласе¹, сразу вспоминают черно-белые кадры не самого лучшего качества. Однако непосредственным свидетелям трагедии навсегда запомнился розовый костюм.

В то утро весь зал ждал только ее прибытия. Президент в шутку заметил, что она, как всегда, опаздывает, однако она совсем не опаздывала. Ведущий собрание прекрасно понимал: появление супруги Президента должно произвести поистине незабываемое впечатление. Оркестр наигрывал «The Eyes of Texas Are Upon You»².

---

¹ 22 ноября 1963 года в Далласе был убит Джон Фицджеральд Кеннеди (1917–1963), 35-й Президент США. Его жена Жаклин Кеннеди впоследствии вышла замуж за греческого предпринимателя Аристотеля Онассиса, одного из богатейших людей мира. Далее, согласно желанию автора романа, эти герои будут именоваться Президент и Супруга П. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² «Глаза всего Техаса прикованы к тебе» (англ.).

Розовый костюм

Когда она, наконец, вошла в зал, все головы разом повернулись в ее сторону; все глаза следили за тем, как она поднимается на сцену. Ее встретили оглушительными аплодисментами. Даже Президент встал и сказал, смеясь:

— А во что одеты мы с Линдоном¹, никому не интересно.

Этот розовый костюм был его любимым. Она часто его надевала. «Ты выглядишь в нем потрясающе», — говорил он. И заранее попросил надеть в тот день именно розовый костюм.

И она «выглядела просто прелестно», как впоследствии заявил репортерам пресс-секретарь Президента. Даже Линдон при виде нее улыбнулся.

Когда на подземной автостоянке госпиталя стало ясно, что все кончено, Lady Bird², уходя, оглянулась через плечо, чтобы в последний раз увидеть Президента. Его лимузин стоял в сторонке, как брошенный пес. Дверцы были распахнуты настежь. Вокруг царил невероятный хаос, и ей бросилось в глаза «нечто бесформенное, розовое, цвета опавших яблоневых лепестков, лежавшее на заднем сиденье». Полицейские никак не могли внести Президента внутрь: они толпились вокруг темно-синего «Линкольна», умоляя супругу Президента выйти, но она по-прежнему без движения лежала на теле мужа.

Ни врачей, ни медсестер рядом не было. Да они, собственно, и не требовались.

Все началось девятью минут спустя на борту номер один ВВС США. ЛБД³ стоял, опустив руку на Библию. Вдова стояла с ним рядом, по-прежнему одетая в розо-

---

¹ Линдон Джонсон (1908–1973); в 1961–1963 годы — вице-президент; в 1963–1969 годы — президент США.

² Божья коровка (*англ.*); прозвище супруги Линдона Джонсона.

³ Линдон Бейнс Джонсон.

Николь Мэри Келби

вый костюм. Фотограф так ее поставил, что разглядеть можно было лишь крошечное пятнышко крови на рукаве. Lady Bird пыталась заставить ее переодеться; горничная приготовила какое-то белое платье.

— Вы очень добры, — машинально сказала она, но не стала переодеваться и согласилась лишь умыться, о чем впоследствии пожалела. — Но пусть они видят, что натворили.

Сделали только черно-белые фотографии; на них мало что можно было рассмотреть.

В пять утра 23 ноября, через двадцать часов после того, как она надела розовый костюм, чтобы встретиться с мужем в парадном зале — и уже после того, как тело Президента доставили для вскрытия в Военно-морской госпиталь Бетесды, — она в последний раз вернулась в свои апартаменты. Двадцать часов. Тысяча девятьсот километров. Расстояние от жены до вдовы.

Там она, наконец, сняла с себя этот костюм.

Пока она находилась в ванной, костюм унесли. Одни говорят, что горничная сунула его в пакет из плотной коричневой бумаги и спрятала в кабинете. Другие утверждают, что костюм сразу отдали сотрудникам секретной службы. Но тогда на розовый костюм никто толком внимания не обратил.

Сквозь хаос того дня словно просачивались обрывки сведений: перепечатанная на машинке копия маршрута Президента, покрытое пятнами меню завтрака, разрозненные листки списка приглашенных на собрание в Далласе, фотографии вереницы автомобилей перед зданием отеля «Техас». Но розовый костюм куда-то исчез.

В Национальном архиве, в Вашингтоне, округ Колумбия, хранятся Конституция, Билль о правах и все, что осталось в Далласе от того дня. Специальное подерживающее спину кресло для машины — у Президента в последнее время сильно болела спина, и без этого

Розовый костюм

кресла он просто не мог сесть в машину. Его галстук, пробитый пулей; его рубашка, буквально срезанная с тела членами медицинской команды. И где-то в Канзасе, в тайном месте, неизвестном до сих пор, сотрудники Национального архива спрятали все записи отделения травматологии техасского «Паркленд Хоспитал», где в час дня центрального времени было объявлено, что Президент мертв.

А еще в Национальном архиве хранится тот самый розовый костюм.

Его так и не отдали в чистку. Никто из сотрудников архива, похоже, не в состоянии внятно объяснить, как костюм туда попал. В настоящее время он хранится в особой ячейке с климат-контролем в секции 6W3, но никто так и не может вспомнить, каким образом он там оказался. Возможно, его прислали по почте, хотя на упаковке не было никаких почтовых штемпелей. Костюм был просто завернут в плотную коричневую бумагу. Обратный адрес тоже отсутствовал. Адрес получателя был снабжен однозначным цифровым кодом, впрочем, пятизначный почтовый код был принят в США только 1 июля 1963 года. В коричневом пакете оказались аккуратно свернутый розовый костюм, блузка, дамская сумочка, туфли и даже чулки, а также записка без подписи на почтовой бумаге, принадлежавшей *ее* матери. Записка состояла всего из нескольких слов: «Она была в нем 22 ноября 1963 г.».

Как у *ее* матери оказался этот костюм — вопрос, до сих пор являющийся предметом всевозможных догадок и предположений; впрочем, в Президентской библиотеке хранится аудиокассета с записью признания старухи в том, что она хранила его на чердаке своего дома в Джорджтауне. Когда *ее* мать давала это интервью, она давно уже страдала болезнью Альцгеймера. Она не сказала, каким образом получила этот костюм, почему хра-

Николь Мэри Келби

нила на чердаке и как долго он там находился. Однако она помнила, что строго-настрого запретила горничной отдавать его в чистку. Этот костюм был, как она выразилась, «последним звеном», и поэтому она спрятала его на чердаке вместе со знаменитым подвенечным платьем дочери.

Кто отослал его в Национальный архив вместо Президентской библиотеки и почему — до сих пор неизвестно. Когда костюм в итоге обнаружили, он лежал уже не в бумажном мешке, а в коробке с логотипом ателье «*Chez Ninon*»¹.

---

¹ «У Нинон» (фр.).

Элегантность — это состояние души.

Олег Кассини

СЕНТЯБРЬ 1961

Глава 1

В газете рядом с фотографией Первой леди, запечатленной на пляже Палм-бич, была помещена история о том, как в День матери¹ в автобус-экспресс бросили зажигательную бомбу. Министр юстиции США, которого все в Инвуде называли просто Бобби², сообщал, что расследование завершено, и обвинял «экстремистов с обеих сторон». Кейт считала, что просто позор — помещать подобную статью рядом с фотографией Супруги П., которая выглядела такой счастливой, проводя уик-энд у озера со своими родственниками, детьми и целой стаей разнообразных собак. По соседству с этой фотографией история об автобусе выглядела особенно мрачно и печально. Кейт ненавидела такие публикации — страшно подумать, что подобные вещи все еще продолжают, — но ужаснее всего было то, что преступление произошло в День матери. Если бы мать Патрика Харриса, *упокой, Господи, ее душу*, не помогла ей устроиться в «Chez Ninon»,

---

¹ Второе воскресенье мая.

² Роберт Кеннеди (1925–1968) — брат президента Джона Кеннеди, в 1961–1964 годы — министр юстиции США.

Кейт просто не знала бы, куда податься. Пег Харрис была потрясающей швеей. А ее сын, мясник, отлично умел жарить бифштексы.

Кейт дала продавцу газет десять центов, купив сразу две газеты — уж больно ей понравилась фотография Первой леди, — и сунула проездной в щель турникета. Ожидая своего поезда-А¹, она помолилась про себя за всех, кто ехал в том злополучном автобусе, и за их матерей, а также и за свою мать, умершую совсем молодой, и за мать Патрика Харриса, Пег, которая умерла не так давно, и за Мать-Церковь — просто чтобы помянуть ее добрым словом. И всю дорогу из Инвуда до Манхэттена, до остановки «Коламбус сёркл», Кейт рассматривала на фотографии Супруги П. ее платье. Платье было на редкость удачное и весьма льстило Первой леди, которую щелкнули как раз в момент, когда она собиралась покинуть Флориду на борту № 1 — улыбающаяся, подтянутая, загорелая. На ней был белый шарф и перчатки. Вырез платья заканчивался ровно под ключицами, то есть именно там, где ему и положено было заканчиваться.

Кейт просто упомнить не могла, сколько раз пришлось поправлять этот вырез, чтобы платье так замечательно сидело. Впрочем, усилия портних того стоили. Платье выглядело поистине впечатляюще. И прекрасно скрывало все недостатки фигуры Супруги П. — а их было немало. Кейт, например, считала, что Первая леди «чутьточку кривобока». Мясник Патрик Харрис говорил, что людям свойственно воспринимать окружающих в соответствии с их основным занятием. «Я вот всех воспринимаю в соответствии с тем, что они покупают. Миссис Лири, например, — это «кусоч свиной ноги с косточкой».

Кейт, хрупкой, тонкокостной, с нежно-розовой кожей, всегда очень хотелось спросить у Патрика, с какой ча-

---

¹ Тип состава нью-йоркского метро.

стью свиной туши ассоциируется у него она. Впрочем, она отлично его понимала — ведь и она порой помнила целые семьи только по тому, во что они были одеты; отцы и сыновья в таких семьях носили костюмы почти одинакового покроя, а матери и дочери щеголяли в похожих, как близнецы, купальных халатах, отделанных мехом кролика. И если эти люди не были достаточно знамениты, а их фотографии не появлялись на страницах газет и журналов, то Кейт не смогла бы сказать, как они выглядят на самом деле. В модном доме «Chez Ninon» придерживались строгих правил; каждый знал свое место, и Кейт никогда не покидала мастерской, находившейся в задней части помещения. Примеркой занималась Мейв, а Кейт просто следовала сделанным ею пометкам. Она помнила сложности фигуры каждой клиентки, понимала, где нужно присборить, а где заложить складки, но в лицо ни одну из этих женщин не знала.

И все-таки она их знала, ибо куда важнее знать, что люди о себе думают, кем себя представляют. В осознании этого как раз и заключалась работа Кейт. Стоило этим людям выйти из пеленок, как у них возникала потребность в самой разнообразной одежде — для катания на лыжах, для прогулок верхом, для частной школы, для весенних каникул в Париже. Ну и для того, чтобы позавтракать с любимой мамочкой в магазине «Одежда для четырех времен года» или в твидовом костюмчике «от Харриса» встретиться с другими детьми в Центральном парке.

Стежок за стежком, час за часом — за работой Кейт так живо представляла себе каждый официальный прием, каждый отпуск в экзотической стране, каждый первый бал, словно переживала все это сама. Собственно, это был единственный путь к тому, чтобы вещь действительно *получилась*. Кейт необходимо было понять, какой именно длины должен быть плащ, чтобы не оказаться слишком длинным, а значит, немодным, а какой тип

подкладки следует выбрать для костюма из бельгийских кружев, чтобы в этом костюме не было жарко даже на карибском солнце, но чтобы он при этом не морщил на швах. Кейт было всего тридцать лет, но немалую их часть она просидела, сгорбившись над той или иной тканью и полностью сосредоточившись на работе. Ведь порой платье самого простого фасона требовало сотни часов кропотливого труда. А уж расшитое бисером вечернее платье могло потянуть и на тысячу часов, а то и на две. Но с клиентками Кейт никогда не встречалась.

Когда она вышла из метро на станции «Коламбус сёркл», утро показалось ей похожим на тщеславную, старательно прихорашивающуюся красотку. Бескрайние зеленые просторы Центрального парка были уже чуть тронуты золотом осени. Вокруг парка кружили стаи толстых желтых такси. В ряд стояли красновато-коричневые кареты, запряженные лошадьми; когда Кейт проходила мимо, возницы, готовясь к трудовому дню, как раз украшали головы лошадей венками из пластмассовых цветов. Это были поистине животные-стоики, смиренно воспринимавшие выпавшую на их долю тяжкую участь. Иной раз, правда, они недовольно потряхивали головой или всхрапывали, но никогда не ржали и не лягались. Шоры сильно сужали их кругозор. Кейт любила лошадей. Она выросла в Южной Ирландии, в Кове, на побережье графства Корк, где дикие лошади жили прямо на берегу. Если обращаться с ними по-доброму, да еще и предложить им яблоко, они могли иной раз подпустить к себе достаточно близко, так что на них можно было даже накинуть лассо. А если вести себя достаточно осторожно, можно было даже вскочить им на спину, и лошади галопом несли тебя вдоль самой кромки сверкающего сапфирового моря, и ты, прижавшись к шее коня, слышала, как стучит его неприрученное сердце. В обращении с ними непременно требовались ласка и осторожность. А Кейт как раз такой и была — осторожной и ласковой.

Городские лошади были совсем другими. Они носили шляпы и целый день только и делали, что ходили по кругу. Правда, и сама Кейт делала то же самое.

Я тоже хожу по кругу, цок-цок-цок, думала она.

С улицы модный дом «*Chez Ninon*» выглядел в лучшем случае неприметно. Он занимал несколько помещений на втором этаже в одном из офисных зданий на Парк-авеню, так что ничего не стоило пройти мимо него — но так, собственно, и было задумано. Осторожность и неприметность были основой бизнеса. Большинство клиентов «*Chez Ninon*» состояло в списках «Синей книги»¹; немало было и представителей старинных богатых семейств. Владелицы модного дома, Софи Шоннард и Нона Парк, тоже состояли в «Синей книге». И обе были поистине великолепными плутовками.

Кейт рассказывали, что эволюция мисс Софи и мисс Ноны и их вступление на стезю «художественного воровства» являли собой постепенный процесс, зависевший от спроса и предложения. Почти сорок лет Хозяйки «*Chez Ninon*», как они себя называли, держали маленький магазин-ателье в торговом доме «Бонвит Теллер», где шили платья на заказ, всегда по оригинальному образцу. Но время шло, и все чаще их знакомые и друзья, состоявшие, как они сами, в «Синей книге», требовали настоящей французской моды, но желательно без французского ценника на платье. И вот, отдавая дань дружбе и соответствующему достойному происхождению, мисс Софи и мисс Нона стали регулярно летать в Париж и в прямом смысле красть там образцы самой модной одежды, представленной на разнообразных показах.

Шанель, Ланвен, Нина Риччи, Карден, Живанши, Баленсиага — показу каждой коллекции этих знаменитых

---

¹ В США — список лиц, занимающих государственные должности, а также популярных в обществе персон.